

Научная специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

УДК 343.3

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.3.38>

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ: УСТАНОВЛЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРИЗНАКИ

© **Макеева И. С., Токарев Д. С., 2021**

Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург, Россия

Раскрываются особенности правовой оценки признаков субъективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за посредничество во взяточничестве. Отмечается, что состав посредничества во взяточничестве занимает особое место в системе уголовного права, поскольку данный вид преступной деятельности представляет собой полноценный сегмент коррупционного «бизнеса» по предоставлению «посреднических услуг», которому свойственен организованный характер, что, безусловно, не может не увеличивать количество совершаемых преступлений и не влиять на коррупционную ситуацию в стране. На основе комплексного анализа доктринальных мнений акцентируется внимание на разграничении посредничества во взяточничестве со смежными и конкурирующими составами по признакам субъективной стороны.

Ключевые слова: взяточничество, получение взятки, дача взятки, посредничество, покушение на дачу взятки.

Одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики является борьба с коррупцией. Уделяя особое внимание этому направлению, законодатель выделил самостоятельный состав преступления, предусматривающий ответственность за действия, способствующие совершению коррупционных преступлений, – посредничество во взяточничестве.

Характеризуя субъективную сторону посредничества во взяточничестве, отметим, что вина – исчерпывающий признак состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.1 УК РФ¹, в то время как мотив и цель, не являясь обязательными элементами данного состава преступления, безусловно, не лишены уголовно-правового значения при определении степени общественной опасности совершенного деяния и назначении уголовного наказания.

Вина посредника во взяточничестве выражена в форме прямого умысла. Как отмечает М. И. Моисеенко, данный вывод можно сделать на основе следующего. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, носит акцессорный характер по отношению к другим формам взяточничества, представляющим собой смежные составы преступлений (даче и получению взятки). В указанных составах вина выражена исключительно в форме прямого умысла. С учетом того, что взяткополучатель, взяткодатель и

посредник тесно связаны между собой, фактически выступая соучастниками единой преступной деятельности, автор приходит к выводу о том, что психологическое отношение каждого из указанных лиц к передаче взятки, совершенной в результате их согласованной преступной деятельности, в своей сущности также является одинаковым, несмотря на то, что указанными лицами выполняются различные преступные роли [3, с. 143].

Б. В. Волженкин раскрывает содержание умысла указанных лиц следующим образом. Содержание умысла взяткополучателя включает в себя осознание того факта, что соответствующие материальные ценности переданы (либо выгоды предоставлены) ему именно в качестве взятки за совершение того или иного действия (бездействия), входящего в круг его должностных полномочий, либо за общее покровительство по службе взяткодателя или иным лицам. Содержание умысла взяткодателя включает в себя осознание факта предоставления им должностному лицу незаконного вознаграждения или выгоды имущественного характера именно в качестве взятки [1, с. 188]. При этом следует заметить, что в случае добросовестного заблуждения субъекта по поводу оснований передачи материальных ценностей (например, если он полагал, что таким образом осуществляет предусмотренную законом оплату соответствующей «государственной услуги») состава дачи взятки не будет, поскольку отсутствует умысел на дачу взятки.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Так, Б. В. Здравомыслов раскрывал содержание прямого умысла посредника во взяточничестве следующим образом: посредник осознает тот факт, что он, действуя по поручению взяткодателя или взяткополучателя, передает предмет взятки, при этом он понимает общественную опасность своих действий и желает их совершить. Посредник также осознает факт отсутствия у должностного лица законного права на предмет взятки и факт его передачи за совершение взяткополучателем незаконных действий в интересах и в пользу взяткодателя или представляемых им лиц [2, с. 69].

Таким образом, содержание прямого умысла посредника во взяточничестве аналогично содержанию прямого умысла взяткополучателя и взяткодателя; основным и практически единственным различием между содержанием их умысла является то, что предметом психологического отношения каждого из указанных лиц являются объективные признаки его собственного деяния. Напомним, что посредничеством во взяточничестве признается не только непосредственная передача по поручению взяткодателя или взяткополучателя денег и других ценностей, но и иное содействие в достижении или реализации соглашения между этими лицами о получении и даче взятки (например, организация их встречи, ведение переговоров с ними).

Посредничество путем иного содействия в достижении или реализации соглашения следует считать оконченным с момента выполнения посредником одного из этих действий независимо от достижения или реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем. П. А. Скобликов в качестве примера приводит следующую ситуацию: посредник организовал встречу потенциальным взяткодателем и взяткополучателем, но стороны при встрече не смогли договориться о совершении коррупционной сделки, посредничество в данном случае будет окончено, поскольку посредник выполнил действия, нацеленные на содействие коррупционной сделке [5, с. 48]. Содержание волевого элемента прямого умысла посредника во взяточничестве представляется возможным дифференцировать в зависимости от формы совершения преступления. Так, для физического посредника волевым элементом будет заключаться в желании передать взяткополучателю предмет взятки, полученный для данной цели посредником от взяткодателя. Для интеллектуального посредника характерно осознание факта своего содействия взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении между ними соглашения

либо его реализации и желание способствовать указанному соглашению.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее важным условием, которое позволяет сделать вывод о наличии вины посредника во взяточничестве, выступает осознание посредником в первую очередь факта осуществления им передачи или содействия передаче материальных ценностей именно в качестве взятки за совершение должностным лицом действий, предусмотренных в ст. 290 УК РФ, в пользу взяткодателя либо представляемых им лиц, а лица, интересы которых представляет посредник, также рассматривают подлежащие передаче материальные ценности в качестве взятки [4, с. 34].

Так, М. И. Моисеенко отмечает, что сама по себе информированность субъекта о факте передачи им денег от гражданина должностному лицу еще не может служить однозначным доказательством наличия у него прямого умысла на совершение посредничества во взяточничестве: необходимо осознание обусловленности передаваемого материального вознаграждения совершением должностным лицом определенных действий или бездействия, а также осознание того факта, что другие участники коррупционной «сделки» рассматривают себя в ее рамках именно как взяточников, не пребывая в заблуждении о законности своих действий. В противном случае состав взяточничества будет отсутствовать.

Для подтверждения изложенной позиции автором приводится следующий пример. Представим, что лицо, предположительно являющееся посредником во взяточничестве, не было осведомлено о том, что передаваемые им материальные ценности либо оказываемые услуги материального характера не полагаются должностному лицу на законных основаниях, а передаются ему в коррупционных целях.

В таком случае, по мнению М. И. Моисеенко, вина указанного лица в совершении посредничества во взяточничестве (и, соответственно, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 291.1 УК РФ) будет отсутствовать; дачу и получение взятки необходимо рассматривать как совершенные лично, т. е. без посредника, поскольку передавший ее субъект ввиду отсутствия вины как обязательного элемента состава преступления не может быть признан посредником во взяточничестве.

В описанной ситуации фактически имеют место дача и (или) получение взятки путем посредственного исполнения, поскольку лицо, осуществившее передачу взятки, было введено в заблуждение сторонами коррупционной «сделки» в отношении истинных обстоятельств дела.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил эту ситуацию, указав, что, если лицо, передавшее имущество, предоставившее имущественные права, оказавшее услуги имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе, осознавало, что указанные ценности не предназначены для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких, содеянное им не образует состав преступления, предусмотренный ст. 291 или ст. 291.1 УК РФ.

Как известно из теории уголовного права, умысел лица на совершение преступления может быть конкретизированным и неконкретизированным (или неопределенным). Если при конкретизированном умысле субъект преступления имеет четкое и ясное представление об общественно опасных последствиях совершаемого им деяния, в том числе об их количественных и качественных характеристиках, то при неопределенном умысле представление виновного о характеристиках совершаемого деяния носит достаточно обобщенный характер.

Так, Р. Д. Шарапов выделяет следующие основные признаки, характерные для неопределенного умысла субъекта преступления:

- предвидение лицом одновременно двух или более общественно опасных последствий;
- осознание реальной возможности наступления любого из осознаваемых им последствий;
- наличие связи между волей виновного лица и предвидимыми им последствиями, при этом данная связь выражена в равной мере по отношению к каждому из предвидимых им последствий [7, с. 251].

Следовательно, фундаментальное различие между конкретизированным и неопределенным прямым умыслом заключается в направленности волевого элемента умысла.

При неопределенном умысле волевой элемент рассредоточен по нескольким общественно опасным последствиям, при этом субъект в равной мере осознает возможность их наступления и желает их наступления, но у него отсутствует достоверное представление о том, какое из предвидимых им последствий наступит в результате его деяния, поскольку, как полагает субъект преступления, количественные и качественные характеристики общественно опасных последствий, которые будут причинены им в итоге, носят случайный характер и не могут быть с определенностью предвидены.

При конкретизированном умысле, напротив, желание субъекта преступления сосредоточено на строго определенном, индивидуализированном преступном результате; наступления иных

возможных последствий лицо не желает (либо желает в меньшей степени). На основании изложенного Р. Д. Шарапов делает достаточно интересный вывод о том, что прямой неопределенный умысел по своей сущности можно рассматривать как «косвенный умысел в прямом», ибо лицо допускает и желает наступления нескольких возможных вариантов последствий, но при этом ему безразлично, какой из них будет реализован.

Выявление определенности либо неопределенности умысла напрямую влияет на уголовно-правовую квалификацию любого деяния: при прямом конкретизированном умысле субъект преступления несет уголовную ответственность за тот преступный результат, к достижению которого он стремился (иными словами, деяние квалифицируется по направленности умысла); при прямом неопределенном умысле, напротив, уголовно-правовая квалификация деяния будет основана на реально наступившем преступном результате.

Нужно сказать, что уголовно наказуемым признается посредничество во взяточничестве, совершенное в значительном, крупном и особо крупном размере, лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче взятки на сумму, не превышающую двадцати пяти тысяч рублей, не может нести ответственности как соучастник в получении и даче взятки, мелком взяточничестве. То есть в настоящее время законодатель, указав в основном составе посредничества значительный размер, фактически декриминализовал посредничество во взяточничестве при меньшем размере. Верховный Суд РФ также исключает возможность квалификации случаев посредничества во взяточничестве вне зависимости от размера взятки по каким-либо статьям УК РФ, кроме ст. 291.1 УК РФ, подтвердив тем самым исключительное применение последней по делам о посредничестве во взяточничестве [6, с. 56].

Несмотря на то что мотивы совершения преступления не имеют юридического значения для уголовно-правовой оценки посредничества во взяточничестве, для формирования наиболее полного представления обо всех элементах субъективной стороны данного преступления считаем необходимым проанализировать также его мотивы.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ¹, мотив любого преступления входит в число обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Это связано с тем, что даже в

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

том случае, если мотив преступления не предусмотрен в конкретном составе преступления, он не может не влиять на общественную опасность деяния и, следовательно, не может не подлежать уголовно-правовой оценке при назначении наказания.

Так, мотивы действий посредника очень разнообразны. Они могут носить как относительно положительный характер (например, стремление помочь родственнику или иному близкому человеку в решении той или иной жизненно важной проблемы, сострадание к взяточдателю, у которого должностное лицо вымогает взятку, и стремление добиться для него менее тяжелых условий), так и однозначно отрицательный: стремление получить материальную выгоду (корыстный мотив), угодить руководству, добиться повышения в должности.

На наш взгляд, посредничество во взяточничестве, совершенное исключительно из корыстных побуждений, имеет наиболее высокую степень общественной опасности. Поскольку общественная опасность посредничества во взяточничестве, совершаемого по мотиву корысти, обусловлена тем, что данный вид преступной деятельности представляет собой полноценный сегмент коррупционного «бизнеса» по предоставлению «посреднических услуг», которому свойственен организованный характер. В результате посредничество во взяточничестве становится не единичным деянием человека, а его «профессией», что, безусловно, не может не увеличивать количество совершаемых преступлений и не влиять на коррупционную ситуацию в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. 560 с.
2. Здравомыслов Б. В. Квалификация взяточничества: учеб. пособие. М., 1991. 92 с.
3. Моисеенко М. И. Субъективная сторона посредничества во взяточничестве // Проблемы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 143–147.
4. Николаев К. Д., Борков В. Н. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве: законодатель-

ная регламентация и судебная практика // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 31–33.

5. Скобликов П. А. Новая редакция Постановления Пленума Верховного суда РФ о судебной практике по делам о коррупционных преступлениях: комментарий сложных и неоднозначных положений // Российский судья. 2020. № 8. С. 48–53.

6. Соколов М., Мелешко Д. Вопросы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2019. № 8. С. 54–58.

7. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2001. 298 с.

REFERENCES

1. Volzhenkin B.V. *Sluzhebnye prestupleniya: Kommentarij zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki* [Service crimes: Commentary on legislation and judicial practice]. Saint-Petersburg, 2005. 560 p. (in Russian)
2. Zdravomyslov B.V. *Kvalifikaciya vzyatochnichestva* [Qualifying Bribery: Textbook]. Moscow, 1991. 92 p. (in Russian)
3. Moiseenko M.I. Sub'ektivnaya storona posrednichestva vo vzyatochnichestve [Subjective side of bribery mediation]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2014, no. 1, pp. 143-147. (in Russian)
4. Nikolaev K.D., Borkov V.N. Ugolovnaya otvetstvennost' za posrednichestvo vo vzyatochnichestve: zakonodatel'naya reglamentaciya i sudebnaya praktika [Criminal liability for mediation in bribery: legislative regulation and judicial practice]. *Zakonodatel'stvo i praktika* [Legislation and practice], 2013, no. 2, pp. 31-33. (in Russian)
5. Skoblikov P.A. Novaya redakciya Postanovleniya Plenuma Verhovnogo suda RF o sudebnoj praktike po delam o korrupcionnyh prestupleniyah: kommentarij slozhnyh i neodnoznachnyh polozhenij [New edition of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on judicial practice in cases of corruption crimes: commentary on complex and ambiguous provisions]. *Rossijskij sud'ya* [Russian judge], 2020, no. 8, pp. 48-53. (in Russian)
6. Sokolov M., Meleshko D. Voprosy kvalifikacii posrednichestva vo vzyatochnichestve [Issues of qualification of mediation in bribery]. *Zakonost' [Legality]*, 2019, no. 8, pp. 54-58. (in Russian)
7. Sharapov R.D. *Fizicheskoe nasilie v ugolovnom prave* [Physical abuse in criminal law]. Saint-Petersburg, 2001. 298 p. (in Russian)

Subjective Part of Bribery Mediation: Establishment, Content, Signs

© Makeeva I. S., Tokarev D. S., 2021

The peculiarities of the legal assessment of the characteristics of the subjective side of the corpus delicti, providing for responsibility for mediation in bribery, are revealed. The authors, based on a comprehensive analysis of doctrinal opinions, emphasize the distinction between mediation in bribery with related and competing compositions.

Keywords: bribery, taking a bribe, giving a bribe, mediation, attempt to give a bribe.